

ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ (на материале немецких переводов украинских героико-фантастических сказок)

Эмотивная лексика – результат объективации эмоций этносом, один из основных механизмов интерпретации культурно-духовного опыта нации. Напомним, что в словесной ткани устного фольклора эмотивная лексика живет, приспособляясь к переживаниям певца, сказателя или рассказчика, в записанном фольклоре – существует, ориентируясь на эмоциональное состояние носителя языка.

Исследуя эмотивную лексику в оригинале и переводе, важно обратить внимание на ее основные функции: номинативную, экспрессивную и дескриптивную.

Номинативная функция эмотивной лексики способствует моделированию образов эмоций, не пробуждая самих эмоций [3, с. 88-96]: *От вона (дочка) до його (змія) прилестилась та й питається раз у нього: – Чи є, – каже, – на світі такий чоловік, щоб тебе подужав?* [2, с. 174] (здесь и дальше выделено нами. – Н. Р.) – ‘Eines Tages fragte ihn die Fürstentochter: “Gibt es irgendwo in der Welt einen Mann, der dir an Kraft überlegen ist?”’ [5, с. 204]. В составе иллюстрации лексема *прилестилась* ‘обольстила’ эксплицирует образ негативного эмоционального поведения княжны. Переводчик опускает не только анализируемый элемент, но и его лингвистический контекст. Подобная тактика является, к сожалению, стандартной для Й. Грубера: *А тут у дзвони дзвонять, молебні правлять, а по горах народ стоїть як неживий, зціпивши руки, жде, що то буде! Коли ж зміюка бубух! Аж земля затряслась. Народ, стоячи на горах, так і сплеснув руками: – От так Кирило! От так Кожум’яка!* [2, с. 176] – ‘Auf den Hügeln ringsum aber stand das Volk und schaute gebannt zu, und jeder fragte sich im stillen: Wie wird dieser Kampf enden? Da sah man plötzlich, wie Kyrylo den Drachen mit solcher Gewand zu Boden schleuderte, daß die Erde unter den Füßen aller erbebt. Vor Verwunderung und freudiger Überraschung klatschte das Volk in die Hände’ [5, с. 208-209]. В указанном примере тревога, предшествующая интенсивности эмоции страха жителей Киева, трансформируется в эмоцию интереса, а интенсивность эмоции удивления – в эмоциональный паттерн: удивление + радость + восхищение. Опущение языковых единиц с теологическим значением, эмоциональным и эмоционально-оценочным, с одной стороны, и обобщение смысла физического состояния и эмоционального,

с другой, – разрушают предметно-логические связи и выстраивают новую линию эмоционального поведения украинского народа. Речь идет о бездуховности, нечувствительности к эмоциям, пассивности в межличностных отношениях, интравертности.

Кроме опущения эмотивной лексики, прослеживается и ее добавление: – *Весь день орали, а ви нам не принесли обідати. – Як то не принесла? Адже Оленка понесла. Чи не заблукала?* [2, с. 182] – ‘“Den ganzen Tag haben wir gepflegt, Ihr aber habt uns nicht einmal das Mittagessen geschickt.” **Erstaunt** erwiderte diese: “Wie soll ich das verstehen? Olenka trug es euch doch aufs Feld! Ich glaubte, sie würde mit euch nach Hause zurückkehren. Gewiß hat sie sich verirrt”’ [5, с. 6]. Включение лексемы *Erstaunt* ‘удивленно’ в иллюстрированный контекст направленно на передачу манеры говорения матери, а не ее эмоционального состояния.

Эмотивная лексика может активировать целостное преобразование предметной ситуации: *Жив колись в старину цар з царицею. У них замолоду не було дітей, а при старості родився один син. Вони дуже зраділи* [2, с. 189] – ‘Vor langer, langer Zeit lebten ein Zar und eine Zarin. Sie waren kinderlos. Erst nach vielen Jahren, als sie schon alt waren, brachte die Zarin einen Sohn zur Welt. Da **herrschte große Freude im ganzen Zarenpalast**’ [5, с. 113]. Как показывает перевод, эмоция радости претерпевает качественные и количественные изменения: обрадовались не родители, а счастлив весь обслуживающий персонал царского дворца. Исходная формула «царь и царица – эмоция радости» преобразуется в формулу «челядь – эмоция радости». В этом случае взаимоотношения между монархом / женою монарха и подчиненными эквивалентны равенству и дружбе. Такие отношения, как известно, были характерны для периода родоплеменного строя.

Эмотивная лексика используется в переводе для замены действия: – *Ходім же на залізний мік! – Ходім!* [2, с. 283-284]. ‘“Dann laß uns auf die eiserne Tenne gehen!” “**Mit Vergnügen!**”’ [5, с. 10] или одного эмоционального состояния другим (сожаление – душевная боль): – *Деся повинні бути в мене брати й сестра? – Е-е, – кажуть, – синку, були в тебе і сестра, і шестеро братів, та таке й таке їм трапилось* [2, с. 182]. ‘“Sagt, habe ich denn keine Brüder und Schwestern?” “**Ach, lieber Sohn!**” erwiderten diese’ [5, с. 7].

Экспрессивная функция эмотивной лексики состоит в непосредственном выражении эмоций [3, с. 96-98]: *От уранці прилітає змій, побачив хлопця та: – О, це добре, – каже, – був один, а тепер двоє* [2, с. 205] – ‘Am anderen Morgen kam der Drache geflogen und sah den Burschen. “**Oh, das ist gut**”, sagte er, “erst war’s einer, jetzt

sind's zwei" ' [4, с. 177]. Здесь эмоция радости выражена междометием *O 'Oh'* на фоне оценки. При произнесении немецкого долгого закрытого [o:] мышцы артикулирующих органов напряжены больше, чем при украинском [O]. Отсюда следует, что немецкий социум выражает эмоцию радости более интенсивно, нежели украинский.

Дескриптивная функция эмотивной лексики состоит в описании «своей» или «чужой» эмоции [3, с. 98-100]. При этом называется выразитель эмоции – глаза, брови, губы, лицо, мимика, жесты и т. д.: *Приходять люди, як глянули – аж поторопіли* [2, с. 182] – ‘Als nun der Vater mit mehreren Leuten zurückkam, und diese **sahen, was Rollerbse vollbracht hatte, rissen sie vor Erstaunen Mund und Augen auf**’ [5, с. 7]; ‘Die Leute kamen, und als sie **das sahen, gerieten sie aus der Fassung** und erschraaken über seine Kraft’ [4, с. 180].

Сравнительно-сопоставительный анализ оригинала и переводов позволяет установить, что интенсивность эмоции удивления *поторопіли* переводится с помощью лексического развертывания *vor Erstaunen Mund und Augen aufreißen i aus der Fassung geraten*. Использование фразеологизмов указывает на переосмысление понятия «эмоция удивления», а также на выделение главенствующей роли отдельных частей тела – рта *Mund* и глаз *Augen* или низкие волевые черты характера индивида *Fassung* [1, с. 20].

Эмотивная лексика подвергается стилистической нейтрализации: *Коли влизать дідок маленький, а борода на сажень волочиться. Як ухопив Вернигору за чуба та й почепив на гвіздок на стіну* [2, с. 185] – ‘Da kam auf einmal ein kleines Männchen herein, das zerrte einen klatferlangen Bart hinter sich her. Es ergriff Bergdrücker am Schopf, hängte ihn an einem Nagel an der Wand auf, aß alles Gekochte, trank alles aus, riß Bergdrücker einen Riemen Haut aus dem Rücken und machte sich davon’ [4, с. 185].

Замена эмотивных глаголов *влизать* ‘kam herein’, *волочиться* ‘zerrte hinter sich her’ и демиnutивных существительных *дідок* ‘Männchen’, ‘das’, *гвіздок* ‘Nagel’ нейтральными словами в переводе способствует формированию нового образа сказочного персонажа – карлика-андрогонима с походкой здорового человека и огромной физической силой.

Подводя итоги, заметим, что эмотивная лексика вытекает из знаний этноса об эмоциях и окружающем мире, функционирует как трехмерное лексико-семантическое явление, погружённое во все естественные связи мира: причинно-следственные, временные, пространственные, социокультурные и требует от переводчика осмысления как минимум на двух уровнях: уровне языка и уровне (культуры выражения) эмоций.

Литература

1. Гамзюк, М. В. Лексико-семантические шляхи первинного фразо творчого процесу / М. В. Гамзюк // Німецька фразеологія в Україні (до 80-річчя з дня народження Володимира Івановича Гаврися): колективна монографія. – К.: Вид. центр КНЛУ, 2012. – С. 29–42.
2. Українські народні казки, легенди, анекдоти / упоряд., передм. та приміт. В. А. Юзвенко. – К.: Молодь, 1989. – 432 с.
3. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка: монография / В. И. Шаховский. – М.: ЛКИ, 2008. – 208 с.
4. Ukrainische Volksmärchen / hrsg. von P. V. Lintur. – Berlin: Akademie Verl., 1981. – 688 S.
5. Wie Iwan die Sonne besuchte / Verl. Dnipro. – К.: Dnipro Verl., 1989. – 312 S.

Руденко Е.Н.

Белорусский государственный университет, Минск

О ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТАХ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Современная парадигма лингвистических исследований подразумевает интерес не только к текстам нового времени, но и к текстам древним. Теоретические и методологические аспекты лингводидактики применимы к переводу и интерпретации произведений древних книжников так же, как и современных.

В истории белорусской книжности особое место занимают переводные памятники письменности. Об этом писал белорусский исследователь А. Бразгунов в статье «Переводная литература в Великом княжестве Литовском в XV–XVIII вв.» [1].

И уж совсем особняком стоят переводы текстов, которые квалифицируются и как научные, и как развлекательные. А. Бразгунов пишет: «Асобную групу перакладнога пісьменства складаюць разнастайныя філасофскія, астралагічныя, прыродазнаўчыя і гадальныя зборнікі, па сваіх змястоўных, сюжэтных і ідэйных характарыстыках часта вельмі блізкія як да апакрыфічнай, так і да свецкай белетрыстычнай літаратуры («Тайна Тайнаў», «Шасцікрыл», «Логіка», «Лапатачнік», «Луцыздарый»). У ліку найбольш папулярных твораў была «Тайна Тайнаў» («Secreta Secretorum»), аўтарства якой прыпісвалася Арыстоцелю, настаўніку Аляксандра Македонскага. Першапачаткова гэта быў арабскі філасофскі твор, прысвечаны апісанню характэрных асаблівасцяў чалавека, у XIII ст. ён быў перакладзены на лацінскую мову. У XV ст. у Кёльне з'явіўся і друкаваны варыянт «Тайны Тайных», з якога неўзабаве былі зроблены пераклады на многія еўрапейскія мовы. Аднак беларускі спіс